

16+

ВЛАД РАЙБЕР

**ЧЕТЫРЕ
СТЕКЛЯННЫХ
БОКСА**

Влад Райбер

Четыре стеклянных бокса

«Автор»

2018

Райбер В.

Четыре стеклянных бокса / В. Райбер — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-96177-7

Молодой хирург похищает четырёх человек, повинных в смерти его невесты. Он запирает своих пленных в отдельные камеры со стеклянными стенами, чтобы заставить их пожалеть о том, что они сделали. Каждому из них уготована своя казнь.

ISBN 978-5-532-96177-7

© Райбер В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Четыре стеклянных бокса	5
Глава 1. Для чего?	6
Глава 2. Конченный псих	8
Глава 3. Под нож	12
Глава 4. Воспоминание	15
Глава 5. Сумасшедшая ночь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Влад Райбер

Четыре стеклянных бокса

Четыре стеклянных бокса

Молодой хирург похищает четырёх человек, повинных в смерти его невесты. Он запирает своих пленных в отдельные камеры со стеклянными стенами, чтобы заставить их пожалеть о том, что они сделали. Каждому из них уготована своя казнь.

Глава 1. Для чего?

Арик любил всякие философские цитатки. Ему доставляло удовольствие, если удавалось вспомнить что-нибудь умное в тему разговора. Бывало, что окружение одобрительно хмыкало на его слова, и тогда Арик чувствовал себя мудрецом и тонким наблюдателем человеческих характеров.

Также он любил раздавать советы как надо жить. В том, что было ему самому легко, он себе не изменял. Например, Арик верил в то, что нельзя просыпаться с плохим настроением. «Ты ещё из постели не вылез, ещё ничего плохого не произошло. Нельзя настраивать себя на негатив», – часто повторял он.

Но это пробуждение заставило его забыть о своём принципе. Он проснулся не в своей постели, а на жёсткой койке, и это было не то место, где приятно просыпаться. Он проснулся в тесной квадратной комнате с прозрачными стенами.

Арик запаниковал, хотел было вскочить на ноги, но больно повалился на бетонный пол. Тело не слушалось, голова налилась свинцом, и было ощущение, что он проспал слишком долго.

Встав на четвереньки, Арик почувствовал себя ужасно нелепо. Он был готов к тому, что сейчас кто-нибудь поднимет его на смех, и это даст понять, что всё в порядке. Даст понять, что зря он засуетился, ни в чём не разобравшись. Но никто не смеялся и никто не поспешил помочь ему встать. Арик хотел опереться на койку, но она скрипнула колёсиками и резко отъехала к стене.

Парень встал на колени, продрал глаза онемевшими руками. Темень. Две стены углом из бруса – две стены углом из толстого стекла. Чёрт. Чёртов куб. В одну стену была врезана белая дверь. За стеной еле светила лампа. Сквозь другую стену было видно такую же коробку-камеру. Там тоже стояла койка на колесах. Там тоже кто-то был, но ещё спал. А ещё там было ведро...

Арик огляделся. И у него – ведро. Серое, жестяное ведро с ручкой-ободком. Санузла нет. Вообще ничего нет. Только койка и хреново ведро! Арик знал, что совсем скоро он начнёт орать. По-идиотски жалобно, испуганно. У него дрожало горло, но держался изо всех сил, надеясь, что всё это ещё может оказаться поганым сном.

В висках тикало, голова становилась яснее, глаза привыкали к плохому свету, и всё вокруг делалось только реальнее. Арик зажмурился. Все жилы на шее напряглись, но наружу вырвался только сиплый стон, слабо отразился от стен и рассеялся. Снова стало тихо.

Арик сглотнул. Нервно на четвереньках подполз к двери, царапая колени о бетон. Ударил ладонью по двери. На пластике остался влажный отпечаток. Закрыто. Заперли! Притащили, бросили на койку и заперли! В тесной стеклянной камере с хреновым ведром!

Арик не знал, быть ли ему испуганным или быть в ярости. Как выбраться и как не сделать хуже? Он встал, прижался лицом к стене. Там хоть и был свет, но он только мешал разглядеть, что было по ту сторону. Лампа светила в пол.

– Эй! Есть кто? – выдавил из себя Арик. Всё было тихо. – Что происходит? Как отсюда выйти?

Его тревожило только это. Вряд ли кто-то, очнувшись в запертой камере, сразу станет интересоваться причинами: «За что?», «Кто это сделал?». Главные вопросы: где ты сейчас и как выбраться. Развязав язык, Арик только усилил напряжение. Всё тело била дрожь. Он ударил кулаком по стене – глухой стук и снова тишина.

– Какого?.. – он гневно толкнул койку. Врезал босой ногой по ведру. И кто-то за стеной сказал ему: «Ш-ш-ш!».

Арик замер. Кто-то за стеной погасил бесполезную лампу, и вместо неё вспыхнули пять ослепляющих кружков операционного прожектора. В свете возник человек, по виду будто не

спавший ночь. Ссутулившийся от усталости, небритый, с клочковатой головой. И толстовка на нём была старая и джинсы нестиранные. Но было сразу ясно, что такой вид для него непривычен. Слишком он был смазлив и статен для какого-нибудь там оборвыша. Просто запустил себя немного.

Арик знал этого парня. Только имя не мог вспомнить.

– Эй, брат, – прошептал Арик. – Ты мне объяснишь, что вообще происходит?

– С добрым утром, – тон этого парня дал Арику понять, что никакой он ему не брат.

– Это ты меня сюда посадил? Ты хоть сам понимаешь, какие проблемы у тебя будут? –

Арик пытался сделать голос как можно твёрже, но у него всё вырывались какие-то нервные смешки.

Парень выключил операционную лампу. В темноте он копошился и что-то двигал, скрипел чем-то металлическим. Арик представил, что он устраивается на раскладушке. Разглядеть ничего было нельзя – перед глазами плыли зеленые пятна. Арик был напуган и зол. Он бы мог запросто врезать ублюдку, если бы не это стекло.

– У тебя проблемы, парень, очень большие проблемы, – Арик не мог остановиться повторять это.

– Давай дождёмся, когда все проснутся, тогда и обсудим все мои проблемы, – ответил голос из темноты.

О ком это он? Пока Арик стоял и думал, у него заоченели ноги. Он забрался на койку и решил успокоиться, но, сделав глубокий вздох, не удержался и снова заорал:

– Эй! Выпусти меня отсюда!

Снова вспыхнула лампа. Этот взъерошенный смотрел на Арика с неодобрением, глаза его были заспанные. Он раздраженно цыкнул и ушёл куда-то, оставив свет. Визгнула и хлопнула тяжёлая дверь.

Арик велел себе успокоиться и огляделся. Только сейчас он заметил, что в стеклянной стене есть несколько отверстий для воздуха. Пришлось сесть на колени, чтобы взглянуть через одну из них, но так было лучше видно, чем сквозь стену. Помещение было похоже на большой гараж или, может быть, конюшню.

За лампой были ещё стеклянные стены. Ещё две такие же камеры. И там тоже стояли койки, и на них тёмные холмы тел... Тюрьма?

– Ты урод! – крикнул Арик. – Вернись!

Никто не отозвался. Но слева от Арика за стенкой кто-то захрипел, зашевелился. Проснулся его сосед. Арик резко поднялся с колен, прильнул к другой стене и уставился. Простыня свалилась на пол, и Арик увидел растерянное лицо Дениса. Тупица Денис. Зачем он здесь? В голове Арика тут же мелькнула мысль, что если этот идиот тут, значит один из тех пленников напротив – Игорь. А кто четвёртый?

Денис сел в койке, старательно потёр глаза. Пробормотал что-то и снова лёг, видимо, подумав, что всё ещё видит сон.

Арик крепко сжал кулаки и закусил губу. Как же его раздражало собственное бессилие! И да, ему по-прежнему было безразлично, за что его сюда посадили. Его больше волновало для чего и как долго.

Глава 2. Конченный псих

Когда Валера вернулся, трое уже не спали. Все они стояли у стеклянных стен в своих камерах. Разутые, ошалевшие. Первым заговорил Игорь. Он был у них лидером.

– Здорово, друг! Арик говорит, что ты нас сюда засунул. Это правда? – его слова звучали нагло, будто он был в выгодном положении, а не наоборот. Игорь ухмылялся, но за этой ухмылкой он, очевидно, прятал боязнь. Это было особенно заметно по тому, как дрожала его рука, когда он запускал пальцы в свои сальные волосы.

– Давай открывай! – истерично завопил Арик и ударил ладонью в стекло. Он был похож на дикое животное в клетке. Не мог стоять на одном месте, как суетливая обезьяна. Валеру раздражала его уродливая чёрная борода, и он старался не смотреть на Арика.

Денис молчал. Только бегал глазами. Смотрел то на Валеру, то на своих друзей, будто надеялся, что всё как-нибудь решится без него.

– Чего тебе от нас надо? Ты какой-то псих-извращенец что ли? – Игорь стал в позу крутого парня. Всё ещё делал вид, что ему плевать. – Тебя ведь Валера зовут?

Валера не ответил. Он был слишком сосредоточен на своих чувствах. Ему хотелось ощутить тот трепет, который он себе представлял последние два месяца. Он был уверен, что почувствует щекопку в груди, когда будет стоять перед этими ребятами. Да, Валера был взволнован, но это было совсем не то. Его больше беспокоил пустой желудок, чем эти трое. Чувства выгорели после стольких мучений.

Валера перенаправил свет лампы, чтобы все могли увидеть то, что находится у дальней стены. Пленники как по команде уставились туда. Там в бетонном полу чернела большая яма, справа была куча земли, слева стояли четыре жестяные бочки, накрытые армирующей плёнкой. Валера подошёл к бочкам и сорвал эту плёнку.

– Эй! – крикнул Игорь и присвистнул Валере, как собаке. – Я спросил: чего тебе от нас надо?

Валера повернулся к пленникам.

– Я собираюсь убить вас. Засунуть ваши трупы в бочки и похоронить в этой яме, – Валера выговорил это чётко и не торопясь. Произнося каждое слово, он будто ронял тяжёлые камни, давившие его душу долгое время. Теперь ему правда стало легче.

Лица пленников изменились. Денис побледнел и стал похож на ледяную статую. Лицо Арика побагровело, и его губы тряслись. А Игорь ухмыльнулся, но глаза у него остекленели. Его нутру было не смешно.

– Конченный псих, – вспрыснул Игорь, отступив назад. В темноте блеснули его зубы. Они у него были ровные, отбеленные, как в рекламе зубной пасты. – Да я сам тебя в эту яму брошу и закопаю.

– Что мы тебе сделали? – сипло спросил Денис, казалось, что он вот-вот разрыдается.

Арик тоже хотел что-то сказать, но не мог. Только судорожно дышал, открывая и закрывая рот.

– Правда, парень, что мы тебе сделали, а? – голос Игоря стал мягче, но он не заискивал. – Давай, открой клетку. Сядем, поговорим нормально. Или тебе страшно?

Валера молчал.

– Люди! На помощь! Нас похитил какой-то псих! – проорал Игорь в потолок постоянно следя за тем, какую реакцию это вызывает у парня.

– Не старайся. Мы в голой степи. До ближайшего поселения километров пять, – спокойно сказал Валера.

– И как же ты нас сюда приволок?

– Сложил ваши тела в фургончик и довёз. Ехали восемь часов. Пришлось попотеть, но я долго всё планировал, – сказав это, Валера потёр глаза. Ему вспомнилась ночь в дороге, и снова захотелось прилечь.

– Так может быть уже скажешь, где мы тебе дорогу перешли? – Игорь говорил один. Остальные не встречали, негласно решив, что пусть он ведёт переговоры.

– Вы убили мою девушку, – Валера закрыл глаза и сглотнул. Он не ожидал, что говорить это вслух будет так горько.

Трое пленников разом заголосили.

«Эй! Ты нас с кем-то перепутал», – уверял Игорь. «Ты чего несёшь, урод?» – кричал Арик. «Я никого не убивал! Я не убивал!» – ныл и всхлипывал Денис.

От этого шума спящий в четвёртой камере зашевелился. Из-под простыни показались голые ноги. Долго же он спал, но не удивительно – ему крепко досталось. Из бутылки он не пил – пришлось треснуть по голове.

Валера не стал дожидаться, когда ещё один пленник очухается и начнёт задавать вопросы. Он решил переждать, когда балаган утихнет, и пошёл на улицу, где его ждал шезлонг.

Арик обо всём догадался ещё до того, как этот парень объявил, чем ребята заслужили его ненависть. А за что ещё Арика могли наказывать вместе с этими отморозками? Когда Денис и Игорь допытывали, за что их упекли в эти прозрачные коробки, Арик сжимал кулаки, сжимал челюсть и жмурился. Ему не хотелось слышать ответ. Он думал: если парень знает о том, что они натворили, и запер их именно поэтому, то это конец – не будет никакого шанса избежать наказания!

И вот, когда слова «Вы убили мою девушку» сорвались с губ похитителя, внутри у Арика всё остыло. Это звучало зловеще и страшнее, чем его намерение убить их. Более того, эти слова подтверждали, что парень правда собирается убить их, запихать в бочки и похоронить в яме.

Она была его девушкой...

– Ты чего несёшь, урод? – завопил Арик. Он был готов сорвать голос, только бы убедить парня в том, что он ничего не делал. Это был его единственный шанс. Но, похоже, похититель слушал только себя. Вопли, угрозы, оскорбления были для него просто раздражающим шумом. Когда Арик и его друзья голосили, парень закрывал глаза, и на его висках вздувались вены. Он не стал никого слушать, а просто ушёл в дверь, за которой был ослепительный свет.

– Игорь! Слышишь? Чего будем делать? – истерил Арик. Он не думал, что Игорь правда сможет что-то изменить, просто по привычке спихивал на него ответственность.

– Заткнись, – процедил сквозь зубы Игорь. Он смотрел сквозь стену в соседнюю камеру. Денис тоже туда уставился. Арик замолчал и услышал шорох, скрип и бессвязное бормотание. Последний пленник проснулся. Из камеры Арика было плохо видно, но он сразу узнал голос Вити.

Конечно это был Витя, кто ещё это мог быть? Но откуда? Откуда этот ублюдок Валера всё узнал? Как он смог узнать, что все они были в ту ночь вместе?

В стекле мелькнуло лицо Вити. Оно было как маска. Бездвижное, опухшее, бледное. Арику на секунду стало жаль, что этот парень оказался втянут во всю эту историю. Он ведь был всего лишь водителем отца Игоря и всегда казался хорошим человеком... А потом Арик вспомнил про день рождения. Последнее воспоминание перед долгим сном!

Ему звонил Витя. Арик не хотел приходить. Особой дружбы никогда не было. Но Витя сказал очень трогательные слова. Сказал, что все они нужны ему сейчас. Сказал, что много думает о *произошедшем*. «Только в дни рождения я так остро чувствую одиночество. Мне правда станет лучше, если ты приедешь и подбодришь меня»...

Арику нравилось, когда кто-нибудь нуждается в ободрении от него. Ещё надо было сказать или даже потребовать, чтобы Витя поменьше думал и говорил о *произошедшем*. И, конечно

же, ему хотелось выпить. За ним заехали. Игорь сидел впереди. Арик забрался назад к Денису. «С днём рождения», – сказал он водителю. Тот кивнул ему в зеркало.

Арик почувствовал, что теперь ему неуютно в этой компании. Они собрались впервые за два месяца... Витя повёз их к недостроенному беговому стадиону у сосновой рощи. В том месте редко гуляли люди, не было поблизости домов и тех, кого побеспокоит громкая музыка. Правда, ни одного фонаря там не было, и вечерами темным-темно, однако кому это мешает веселиться?

У Вити был хороший алкоголь – не по его карману. Арик сам такое не пил. Чаще глотал дешёвый вискарь. Его родители были богаты – он нет. Отец сказал, что не даст Арику ни копейки, пока он не осознает ценность денег. Арик делал вид, что его тошнит от этих слов...

Так! Что было дальше? Они пили. Все кроме Вити. Он же был за рулём. Арик нёс какую-то чушь про свои жизненные принципы, злился от собственных мыслей про отца, резко опрокидывал в себя бутылку, а его мозги будто давило прессом. Говорить стало труднее, язык еле шевелился. И веки неохотно разлеплялись, когда он моргал... Арик подумал, что пьёт слишком быстро.

С ребятами тоже что-то странное творилось. Игорь хотел прикурить, но не мог совладать с собственными руками. Он досадливо мычал, чиркал зажигалкой, и у него ничего не получалось.

– Ребят, я чего-то совсем какой-то уставший. Откройте машину, я полежу чуть-чуть, – промямлил Денис и в следующую секунду «прилег» прямо лицом в землю.

Игорь, выронив сигарету, загоготал. А что Витя? Арик вспомнил его бледное лицо в темноте. Он стоял у своей паршивой Шкоды и наблюдал за ребятами с тревогой и нетерпением. Арик тогда и подумать не успел что всё это значит – он будто свалился в тёмную глубокую яму и исчез в ней...

– Это ты?.. Из-за тебя мы все здесь?! – сразу высказал свою догадку Арик.

На него сразу перевели взгляды Игорь и Денис. Вряд ли они помнили окончание того вечера, но тоже заподозрили неладное. Витя был ошеломлён. Ещё не поняв что происходит, он ходил взад-вперед по своей камере, ощупывал прозрачные стены и снова и снова дёргался в запёртую дверь.

– Пацаны, вы помните, как мы закончили праздновать день рождения этого мудака? – злобно спросил Игорь.

Денис помотал головой. Арик ответил, что помнит смутно.

– Витька, может ты нам напомнишь? – Игорь прижался к стене, которая разделяла его и Витю. – Если я узнаю, что ты ему помогал, я тебя...

– Валера! Валера! – прокричал Витя. – Ты чего? Выпусти меня!

И всем стало ясно, что он и правда их подставил.

– Ха! Хотел нас упечь, а сам попался в клетку! – Игорь хлопнул в ладоши. У него был особый издевательский тон. – А ты знаешь, что твой Валера хочет засунуть нас вон в те бочки... и закопать в вон той яме?

Витя не смотрел на Игоря. Он отошёл в дальний угол своей камеры, но куда спрячешься за прозрачной стеной?

– Только этого не будет. Мы все отсюда выберемся. И я сам закопаю тебя там вместе с твоим Валерой. Понял? – это не было похоже на пустую угрозу. Игорь был очень зол. – Давай рассказывай, что вы там вместе затеяли?

Витя скрылся в темноте. Игорь долго стучал ему в стену, но он больше не показывался. Денис и Арик тоже орала на Витю, желая получить ответы. Всё это продолжалось, пока не вернулся Валера. Все разом умолкли и посмотрели на него. Валера вкатил в помещение ещё одну больничную койку.

Арик подошел ближе к стеклу, чтобы лучше видеть. Нет. Это был операционный стол. Серебристый, блестящий. Он раньше видел такие столы только в кино.

– Зачем? – спросил Арик с испугом.

– Я врач, к вашему сведению, – ответил Валера, пристраивая стол под лампу. – Не очень опытный, но хороший врач... А вы мои пациенты.

Глава 3. Под нож

Арик сообразил, что всё в этом помещении было обустроено для них. Раньше это был склад или ещё какая-нибудь хрень. Просторное прямоугольное помещение. Бетонный пол, четыре стены из деревянного бруса и потолок – тоже деревянный. Этот склад поделили стеклянными стенами и получились четыре камеры: две с одной стороны, две с другой и широкий коридор посередине. Внутренние стены из прозрачного материала сделаны специально, чтобы пленники видели друг друга и своего надзирателя в центре.

Стены непробиваемые. Они были врезаны, вдавлены в брус, в бетонный пол, прикручены гайками размером с кулак, закреплены железными скобами. Если по стене со всей силы вломить плечом – ничего и не скрипнет. Двери тоже мощные. Замки на них только снаружи. Никаких шансов выбраться.

Арик ползал по полу, смотрел, есть ли где изъян в конструкциях. А этот умник Валера лязгал инструментами: скальпелями и ещё чем-то, похожим на кусачки. Брызгал на них какой-то жидкостью, тщательно тёр тряпкой.

– В моей семье по линии отца все были врачами, – говорил он, и его голос гремел эхом в стенах. – Мой отец хирург и я хирург. Мой дед... Нет, он умер слишком рано. Не успел получить практику. Но мой прадед тоже был врачом. Очень известным врачом, кстати.

Игорь в своей камере бросил матрас на пол и расселся на нём по-турецки. Лицо у него было такое, словно ему было весело слушать и наблюдать за тем, как Валера начищает «свои игрушки». Улыбка Игоря означала: «Ну и для кого весь этот цирк?».

Все остальные тоже хотели верить, что это – показуха только для испуга, но взаправду боялись и не могли этого скрывать.

– Я был очень маленький, но ясно помню то время, когда старики, все увешанные медалями, целой толпой шли по нашему проспекту. Они были бодрые. Они сияли. И медали на их пиджаках сияли, – Валера не смотрел на ребят, он будто рассказывал всё это самому себе. – Мне всегда больше нравились не сами медали, а колодки, на которых они висят. И ещё такие цветные прямоугольники на груди в несколько рядов. Я думал, что это какие-то кнопки... В такие дни всегда ярко светило солнце. Старики шагали в сторону кладбища, а я стоял и любовался их синими и серыми пиджаками с медалями. Но вместе с этим мне было горько. Я знал, что у моего прадеда тоже есть такие медали. Только он никогда не нацеплял их на пиджак и никогда не выходил с теми стариками на улицу. А ещё мой прадед не был таким бодрым. Мне казалось, что с моим стариком что-то не так, но я очень надеялся, что однажды он тоже наденет свои медали, и я пойду с ним по улице за руку. Всегда спрашивал его перед праздником, не надумал ли он вытащить из комода свои награды. И однажды моя мечта сбылась. Прадед ради меня надел пиджак с медалями... Может быть, мой отец ему подсказал сделать это? Мы шли с ним по улице, и мне очень хотелось встретить как можно больше знакомых. Пусть бы увидели, что и у меня есть тот, кто был на войне. Я чувствовал себя очень счастливым ребёнком. Потом, когда мы присели на скамейку я спросил своего старика, почему он так долго не хотел надевать свои медали, и он всё мне объяснил. Прадед рассказал, что на войне он был врачом. Хирургом. Но это была полевая больница. Там не было нужного оборудования, медикаментов, чистоты. Были только драные палатки, морфий и пилы. Никаких сложных операций не сделаешь. Часто, чтобы не допустить смерть от гангрены, солдатам ампутировали конечности... И мой прадед часто думал о том, что в хорошей больнице этим людям не пришлось бы терять руки и ноги. «Какой же я был врач? Я десятки людей сделал калеками! – сказал мне прадед. – И мне до сих пор это напоминают. Присылают мне эти юбилейные медали. Говорят мне «спасибо»...». Я навсегда запомнил эти слова. Больше я не просил его надевать свои медали.

– И зачем ты это всё это рассказываешь, доктор Зло? – спросил Игорь.

– Сейчас ампутации делают реже, чем раньше, – Валера повернулся лицом к Игорю. – Может быть, мне бы за всю мою практику не довелось бы что-нибудь кому-нибудь отрезать... Если бы не вы.

Ребята заметались, испугано загалдели, но Игорь вскрикнул «Заткнитесь, уроды!», и все заткнулись.

– Слушай меня, – сказал Игорь.

Валера не глядя на него вскинул указательный палец вверх, мол, выжди время. Он аккуратно выложил перед собой на столик пилу с широким лезвием, какую-то проволоку с зубцами, марлевые тряпки и ещё много всякой медицинской мелочёвки.

– Во-первых, если ты ждёшь, что мы начнём распинаться и чего-то тебе доказывать – этого не будет. Во-вторых, ты никого из моих ребят не обидишь. Понял? – сказав это, Игорь посмотрел на соседа Витю, который вжался в угол. – Только этого хмыря можешь распилить. С ним чего хочешь делай.

Валера покачал головой, а потом отступил от стола и сделал шаг к камере Арика. На пару мгновений Арик перестал дышать. Сердце ощутимо стукнуло, будто внутри кто-то изнутри приложил кулак к ребрам.

Валера подошёл к двери. Замок щелкнул, но как-то неправильно. Парень навалился плечом на дверь и стал пробовать снова. Что он делает? Открывает дверь? Арика прошибло током. Это был его шанс! Всё, что ему нужно было сделать – это врезать ублюдку, и здравствуй, свобода! В животе приятно защекотало. Арик почувствовал возбуждение. Он сжал кулак, представляя, как сейчас залепит Валере в лицо.

– Чего стоишь, идиот! Мочи его давай! – забасил Игорь в тот момент, когда дверь оказалась открытой.

Арик замахнулся и всем весом подался вперед. Но Валера просто поймал его запястье и увёл удар в сторону. Другую руку Валера вытянул перед собой и Арик со всей силы врезался переносицей в свинцовый кулак.

На секунду ему почудилось, что его нос просто вмяли в череп. Потом он понял, что уже не стоит на ногах, а летит спиной на пол. Арик шмякнулся затылком об бетон, но боли не почувствовал. Всё произошло так быстро, что мозг не успевал должным образом реагировать. В носу пульсировала тяжесть, в ушах звенело, но глаза видели необыкновенно чётко. Валера навис над Ариком. У него было такое лицо, будто всё произошло так, как он задумал.

– Вставай! Вставай! – надрывался Игорь, но Арик был в нокауте. Он даже ногой не мог шевельнуть, не то что встать.

– Сейчас не двигайся, – мягко сказал Валера и поволок парня за ноги. Он вытащил его на свет, оставил ненадолго, снова навис и сделал ему укол в руку.

– Что тебе от меня нужно? – Арик почувствовал, что его язык уже не очень подвижен.

Валера сделал так, что ножки операционного стола сложились, и он ловко погрузил Арика на стол. Мощные у него были руки...

– За-е-ем? Че-о ты за-у-у-мал? – рот у Арика совсем онемел.

– Я ампутую тебе руку. Или сразу две. Ещё не решил. Но одну точно отрежу, – говорил Валера, затягивая на запястьях Арика тканевые ремни.

Арик завопил как только мог. Он рванулся что было силы, но от этого стол только качнулся.

– За-зачем? Э-э-это не вернёт её. Это не вернёт твою девушку, – Арик очень постарался выговорить эти слова чётко, будто от этого что-то зависело.

Валера фыркнул.

– Это не вернёт твою девушку, – повторил он. – Вот уж не думал, что кто-то из вас скажет мне такую банальщину... Не мог придумать что-нибудь поумнее?

– Зачем? – снова повторил Арик. Теперь он мог выговорить только это слово. В глазах у него плыло.

– Зачем? Я делаю это, потому что очень сильно любил её. И сейчас люблю всё то, что помню о ней. На всё, что я сделаю с вами, меня побуждает любовь. Ненависть тоже, но прежде всего любовь. Вряд ли вы сможете понять... Хотя! Вы же знаете историю про царя Соломона и младенца? Это из Библии. Про то, как к Соломону пришли две женщины и принесли маленького ребёнка. Знаете ведь? Женщины спорили, кому из них принадлежит ребёнок... Дело в том, что у одной из них умер младенец, и она украла ребёнка у другой. Чтобы узнать, кто из них лжет и кто прав, Соломон приказал слуге разрубить младенца надвое и дать каждой женщине по половине. Одна из женщин поддержала эту затею. Говорит: «Рубите! Пусть не достанется никому!». А другая крикнула, что лучше пусть отдадут младенца другой, но только пусть не убивают его. Так Соломон проверил, кто из них настоящая мать. Он полагал, что матери скорее отдадут своих детей другим, лишь бы они остались живыми. Но что если он ошибался? Что если та, которая украла ребёнка, пожалела о том, что сделала, когда над ребёнком занесли меч? Может быть, она осознала, что зашла слишком далеко. Зачем гибнуть ещё одному младенцу напрасно? А настоящая мать могла бы пожелать своему ребёнку смерти? Возможно! Ведь она могла так ревновать своё чадо, что подумала: пусть он лучше умрёт, чем достанется кому-то другому. Если царь Соломон был так мудр, почему же он не знал о том, что любовь сводит людей с ума?

Арик понимал, что ещё немного – и он провалится в темноту. Его бросало в жар и тянуло на дно, и это не было похоже на обычное желание спать. В последний момент он услышал рычание двигателя где-то совсем недалеко. За дверью. Этот звук давно висел в воздухе, но только в последний миг перед тем, как уснуть, Арик обратил на него внимание.

Ему захотелось поверить, что это звук автомобиля. *Может быть, кто-то приехал, чтобы спасти его?!* Но последнюю надежду сразу же сменила мучительная догадка: так мог шуметь топливный генератор. Если вокруг степь, то откуда ещё в этой тюрьме взяться электричеству?

Больше ни о чём Арик подумать не успел.

Глава 4. Воспоминание

За последние несколько лет Арик понял, каким девушкам может понравиться, а каким нет. Те, что обращали на него внимание, не отличались природным обаянием. Вся их привлекательность была результатом труда и стоила не дорого.

У них всегда было что-то с губами. И с глазами тоже. Губы липкие, вытянутые, в дрянной помаде. А глаза постоянно кого-то выискивали, ловили взгляды, отвечали на них кокетством. Многие из них курили тонкие сигареты. У них были сделаны ногти, сделаны ресницы, сделаны брови. Их волосы пахли дешёвым шампунем и табачным дымом. Они всегда на кого-нибудь учились, но взаимоотношения занимали их больше, чем учёба. Они рассуждали о том, кого они считают мужчинами, а кого не считают. У них был провинциальный говор... На поверку они все оказывались разными, но первое впечатление создавали всегда одинаковое. Такова была аудитория Арика. Но даже эти девушки не сходили от него с ума, не влюблялись до головокружения. Просто были.

Арик замечал и других девушек. Тех, что были лёгкими, как ситцевые платки. Их волосы были безупречны и выглядели так, будто с ними ничего не делали. Любые платья были сшиты для них, при этом одежда не играла в их внешности существенной роли.

У них были нежные, кукольные лица. Их обаяние было таким ненавязчивым. В их глазах не читалось: «Заметь меня! Полюби меня!». Такие просто парили по улицам и не появлялись в тёмных кальянных. Такие не смотрели в сторону Арика или смотрели, но без интереса. Это его обижало, хотя он и понимал, что выглядит не столь романтично, как бы ему хотелось.

Волосатые плечи, пузцо, широченный пористый нос мешали ему стать героем мелодрамы. Он отпустил бороду, чтобы быть «варваром с добрым взглядом». Это не сильно добавило ему популярности. Его творчество тоже пока не имело успеха. Но Арик надеялся, что его час настанет. Надеялся, но не верил.

Просто мечтал, что его треки однажды выстрелят, и у него будет и успех, и признание. Только о симпатичной девчужке, лёгкой, как ситцевый платок, он перестал фантазировать в последние два месяца. Это навевало нехорошие воспоминания. Такой была та девушка... Арик не считал себя виноватым в её гибели. Он убедил себя, что всё это безумие произошло бы и без его участия, но не хотел вспоминать ту ночь. Эти чёрные, ядовитые воспоминания мешали ему думать о себе хорошо...

Арик всё ещё спал. Его тело и сознание спали. Только одна, какая-то примитивная часть мозга проснулась, и в голову лились звуки реального мира. Арик слышал, но не осознавал. Кто-то с кем-то договаривался. Голос одного было слышно хорошо, голос другого было труднее разобрать. «Ладно, парень, ты нам всем доказал, что не шутики шутишь. Мы всё поняли. Давай не будем это продолжать, а?» – говорил тихий голос. Голос погромче ответил, что всё это он делает не для того, чтобы что-то доказать, а потому что это справедливо. Другой кинул несколько неразборчивых слов и ненадолго умолк. Минуту спустя он стал вспоминать о том, как в детстве он был знаком со своим собеседником: «Валера, мы же с тобой вместе в художественную школу ходили?», – уточнил он. «В одну художественную школу мы с тобой ходили, но не вместе. В разных классах учились», – ответил второй. И тут «тихий голос» стал рассказывать о том, что помнит, как видел рисунки «громкого голоса» на школьных выставках, говорил, что всегда завидовал его умению рисовать. Это была очень неправдоподобная лесть. Будто «тихому голосу» никогда не приходилось никем восхищаться. Так он по-дурацки подмазывался, так плохо скрывал раздражение. И ребёнок бы не поверил такой похвале... Тот, кому было это адресовано, выслушал, а потом сказал, что он ходил в класс керамики и никакие его рисунки на выставках не висели. Другой выругался так огорчённо, будто у него сорвался какой-то гениальный план. Потом он рассвирепел и стал орать, что если... тот другой... считает

своих пленников преступниками и если хочет справедливости, так пусть ведёт всех в полицию, а не держит здесь.

Откуда-то справа возник ещё и третий голос. Эта мысль ему показалась разумной, он тоже предпочёл бы пойти в полицию вместо участи, которую им уготовил «громкий голос».

«О, нет, ребята! Вы и сами знаете, если бы я обратился в полицию, то это была бы не справедливость, а борьба толстых кошельков. Ваши родители стали бы вас отмазывать. Мои родители встали бы на мою сторону... Был бы суд. Осудили бы не всех. И повлияло бы наказание на ваши жизни? О, нет. Никто бы вас не тронул... Поэтому вы здесь. Ангелина, наверное, тоже просила вас одуматься?.. Но вы её заперли! Вы её мучили! И вы её убили! Теперь я сделаю с вами всё тоже самое», – говорил «громкий голос». Арик вспомнил, что обладателя этого голоса зовут Валера.

Арику было тяжело просыпаться, но из сна его будто выталкивали. Мысли мелькали прерывисто. В один момент он мог осмысливать слова, в другой – просто слышал. В голове постепенно выстроилась картина происходящего. Арик вспомнил о том, что его похитили, заперли в стеклянной коробке и... Собирались отрезать руки. Это был не сон!

Арик открыл глаза. Увидел тёмный деревянный потолок. Увидел растущую над ним капельницу. Он оторвал голову от матраса и увидел, что у него больше нет правой руки. Вместо неё была культя, туго перевязанная бежевыми бинтами.

Арик взвыл. Он не мог в это поверить. Он нервно моргал, будто надеялся, что сморгнёт этот кошмар. Но этот обрубок был реален, он шевелился и слабо ныл. Все ощущения были притуплены, но разум разрывался от боли. Как такое могло на самом деле случиться?

– Минутку, – сказал Валера и стал набирать что-то в шприц. – Сейчас будешь немного спокойнее.

Он зашёл в незапертую комнату Арика.

– Я немного переоценил свои силы, когда говорил, что отрежу сразу две руки, – сказал Валера, уколов Арика в бедро. – Это оказалось сложнее, чем я думал. Долго провозился. Но в следующий раз дело пойдёт быстрее.

– За что? – выкрикнул Арик, брызгая слюной в лицо Валеры.

– А ты помнишь, что делал этими руками с Алей? – парень произнёс это спокойно, как мудрый воспитатель. Без злобы в голосе.

– Верни мне руку!

– Это невозможно. Много времени прошло. К тому же я распилил её на несколько кусочков и заморозил их. Можешь спросить у своих друзей. Они всё видели.

– Верни мне руку! Верни мне руку! Верни мне мою руку! – снова и снова выкрикивал Арик и не мог остановиться. Он был не в себе.

Валера покинул его камеру и запер дверь на замок.

Свинцовые тучи на горизонте наплывали на лесные полосы, и деревья, утопая в их тени, сливались в тёмное пятно. Тучи были ещё очень далеко, но душный воздух обещал скорый дождь.

Валера достал из спортивной сумки пакет острых чипсов, бутылку воды и прилёг на шезлонг. Он хотел побыть под открытым небом, пока дождь не загнал его обратно к своим пленникам.

Он смотрел на многокилометровую степь с редкой травой, с низкими кустарниками, и ему нравилось, что для взгляда нет никаких препятствий. Справа вдали степь пересекала песчаная дорога. Слева, тоже очень далеко, раскинув железные руки, стояли вышки высоковольтных линий.

Создавалось ощущение, будто это место – слепое пятно цивилизации. Словно люди, сами того не ведая, обходили это место круглым путём. Всегда мимо, по краям, оставляя этот клочок земли нетронутым, как ребёнок, калякая на листе, оставляет пустоты.

И только кто-то один заметил это место. И только кому-то одному взбрело в голову что-то здесь построить – так, для вида, чтобы заполнить пустоту. Стоит тут теперь этот домишко заброшенного вида: окон нет – не то сарай, не то тракторный гараж. Увидеть его можно только издали, и никто не подумает сюда свернуть.

Валера вдруг понял, что в его голове больше не роятся мысли, наполненные жадой отмщения. Раньше всякое воспоминание об Ангелине неизбежно вело к мыслям о её смерти. Всякое воспоминание причиняло боль, вызывало ярость и вину. Но теперь... Теперь Валера знал, что эти мерзавцы не где-то танцуют – они пойманы, заперты и напуганы.

Валера закинул в рот пару чипсин, старательно прожевал, глотнул воды и откинул голову на шезлонг. Он вспомнил тот день, когда впервые встретил Ангелину. Это было очень давно. Жизнь назад. Хотя прошло не так много времени. Но ведь дело не во времени! Валере было двадцать два. Он считал себя взрослым. Ангелине было семнадцать. Не такая уж большая разница, как тогда казалось.

Если подумать, их встреча не была чем-то исключительным: если бы они не увиделись тогда, то встретились бы позже. Но именно в тот день их встречи могло не случиться, если бы мама не попросила Валеру о помощи.

– Твой фотоаппарат ещё цел? Мои ребята будут высаживать цветы у роддома, – сказала она за завтраком. – Ты сможешь прийти и пофотографировать, как они работают?

– Зачем? – спросил Валера, уже настроившись на отказ. В нём тогда было ещё много развязного юношества.

– Будет хороший отчёт с твоими фотографиями. Эту акцию сами дети придумали. Приходи, пожалуйста, в пятницу, – упрасивала мама.

– Но мам, я не фотографирую людей, – отвечал Валера. Теперь ему было смешно вспоминать о том, что он когда-то серьёзно относился к своему увлечению фотографией. – К тому же, неужели твои маленькие уголовники хотят, чтобы их фотографировали?

– Они не уголовники. Это замечательные дети, – твёрдо сказала мать. Она была начальником отдела администрации по делам несовершеннолетних. – Они трудные, но не уголовники.

– Прости, – сказал Валера, поняв, что сказал лишнего. – Но правда, зачем мне приходиться? Если ты сфотографируешь на телефон, будет не хуже.

– Мама просто хочет сделать всё правильно, – с улыбкой сказал отец. Эти слова подействовали на Валеру, и он сразу перестал упрямиться. Отец всегда оказывал на него влияние.

Валере сразу вспомнилось то, что ему говорили ещё в детстве: "Нужно всегда искать возможности что-то сделать вместо того, чтобы искать причины не делать".

– Хорошо мам, я сделаю это, – сказал он, и отец ему подмигнул.

Валера пришёл, как и обещал. Это был не самый удачный день для высадки цветов. Дождь так и не состоялся, но воздух был наполнен мелкими каплями. Было сыро и не по-летнему холодно.

Вспоминая тот день, Валера почти чувствовал запах травы и земли. Запах влажной одежды. Он помнил ощущение капелек на волосках рук. Линза фотоаппарата то и дело покрывалась влагой, и приходилось её протирать.

На небольшой площадке под окнами роддома копошились юноши и девочки четырнадцати-семнадцати лет. Кто-то работал лопатой, кто-то махал тляпкой. Вместе с ними была мама в хозяйственных перчатках и в резиновых сапогах.

Валера старался держаться подальше, чтобы не смущать подростков. Но они всё равно смущались, косились на камеру и отворачивали лица. Все они были одеты просто, и это была одежда не для работы, а их повседневная. У мальчиков были либо очень короткие стрижки,

либо совсем лохматые головы. Но все они были самыми обычными подростками. Понятное дело – они были при взрослых, однако хулиганы и сдерживаясь выдали бы себя чем-нибудь. А эти даже разговаривали не вульгарно.

И среди них была одна девушка... Валера не помнил, во что она была одета. Помнил только, что сразу заметил её улыбку. Она только слегка улыбалась, чуть обнажала зубы, и Валера уже смотрел в её сторону. Он тогда не думал о ней ничего. Замечал её улыбку и всё. Просто юная девушка с хорошеньким личиком. Улыбка делала её ещё симпатичнее. Но Валера правда ничего о ней не думал. Не считал нужным.

Один раз он попытался её сфотографировать, но девушка это заметила, опустила голову, и тёмные волосы спрятали её лицо. Это была их первая встреча. Они просто увидели друг друга. Ничего больше.

В другой день Валера вспомнил о своих впечатлениях и сказал матери, что и правда зря назвал её подопечных уголовниками. А ещё он поинтересовался, почему всё-таки они стоят на учёте в отделе по делам несовершеннолетних.

– Этим детям нужно особое внимание, – ответила мать. – Они хорошие, но, знаешь, отличились поступками, поведением. На вид симпатичные девочки, умные мальчики, но они не так просты. Да и семьи не у всех благополучные.

Валера кивнул. Когда мама сказала «симпатичные девочки» в его голове неожиданно всплыло лицо той самой, чью улыбку он замечал.

В шею Валеры врезалась тяжелая капля. Ещё несколько упали на грудь. И вот уже дождь с шумом обрушился на сухую степь. Валера суетливо сложил шезлонг, прихватил с собой спортивную сумку и вошёл в железную дверь, будто там было лучше. Внутри творится полный дурдом, к тому же было холодно. Арик громко рыдал, и это сводило всех с ума. Игорь уговаривал его заткнуться. Денис слабо скулил. Витя вжался в пол и закрывал руками уши.

Валера расстегнул сумку, достал четыре протеиновых батончика, прошелся вдоль камер и затолкал батончики под двери. Он специально оставил такие щели между дверью и полом, чтобы можно было чего-нибудь затолкать. Затем он вернулся к сумке и достал четыре маленькие бутылки с водой. Они пролезли под двери с трудом.

– Я лучше с голоду сохну, чем дам себя резать, – заявил Игорь.

– Думаешь, это будет менее мучительно? – спросил Валера.

Игорь раздражённо хмыкнул и подобрал батончик с пола.

– Я выйду отсюда, чувак. И когда я выйду, тебе будет очень плохо, – клялся он.

Валера не ответил. За последние сутки он слышал это десятки раз.

– Собираешься нас пытаться, чтобы мы тебе во всём признались? – говорил Игорь с набитым ртом. – Хочешь из нас правду вытянуть? Мне тебе рассказывать нечего.

– Это только в кино под пытками выкладывают всю правду, – ответил Валера. – На самом деле те, кого пытаются, говорят то, что хотят от них слышать. Откуда мне знать, будет ли это правдой? Я делаю это, потому что верю в то, что так правильно. Я заставлю вас пожалеть о том, что вы сделали.

– Подойди. Слышишь? Подойди ко мне, – просил Денис, прижимаясь к стеклу. У него дёрнулись губы, он топтался на месте.

Валера подошёл чуть ближе и встал напротив него.

– Я всё расскажу. Смотри, – говорил Денис указывая на Игоря. – Это он. Он убил твою девушку. Я этого не хотел. Я хотел отпустить её. Я бы дал ей уйти, если бы не он.

Игорь раскинул руки и состроил гримасу «ты серьёзно?» в своём стиле.

– Денис, одумайся и закрой хлебало, если хочешь вернуться домой, – прорычал он.

И Денис тут же прикусил язык. Подчиняться своему другу было для него давней привычкой.

– Нет, я хочу услышать твою историю, – сказал Валера. Ребята наконец переставали всё отрицать, понимая, что таким способом им себя не спасти... Валере стало интересно, что готов рассказать этот недоумок. Денис смотрел то на него, то на Игоря, решая, кого он больше боится.

– Ты отпустишь меня? – спросил Денис.

– Я тебя выслушаю, – ответил Валера.

За спиной Валеры начал шуметь Витя, решив, что пришло время торговаться за свои жизни. Он кричал о том, что не был с этими ребятами в загородном доме, и то, что он уж точно не повинен в смерти Ангелины и что его совершенно несправедливо закрыли в камере. Но Валера не оборачивался к Вите – он уже слышал его историю.

Глава 5. Сумасшедшая ночь

Арик зажал бутылку между ногами, открутил крышку своей теперь уже единственной рукой и попил воды. Ещё немного он плеснул себе в лицо. Это был его первый шаг из отчаяния. После нескольких часов ступора, мучительных рыданий и безумия от нежелания смириться он наконец заставил себя подумать: что делать дальше?

С рукой или без руки, он всё ещё хотел убраться отсюда. Арику стало ясно, что здесь не запугиванием занимаются. Это было не то место, где тебя никто не тронет, пока вина не будет доказана. Этот псих сделал его калекой, даже не устроив допрос.

Теперь Арик вспомнил, где видел этого парня. Они были из одного района. Иногда даже здоровались, но никогда не разговаривали. Просто примелькались друг другу.

А теперь случилось такое... И что было делать? Покаяться? Арик стал думать, возможно ли сделать признание так, чтобы не быть таким уж плохим парнем в этой истории. В конце концов, девушка погибла не по его вине. Арик должен был объяснить, что он и так уже дорого заплатил за свой поступок, лишившись руки. Эта мысль воодушевила Арика и дала ему надежду. Он должен был выбраться отсюда живым. А потом что угодно: пусть даже работать на отца и следовать его наставлениям.

Арик вспомнил отца. Как он теперь бы на него посмотрел? Было бы в его глазах гневное «Какой маньяк сотворил это с моим сыном?» или осуждающее «Я знал, что ты найдёшь на свою задницу приключений и однажды лишишься руки». Это его вечно унылое лицо, полное разочарования...

Но сейчас Арик был готов упасть перед ним на колени и просить прощения за всю ту фигню, которую он творил: за то, что не проникся недельными бизнес-тренингами, на которые его отправлял отец. За то, что целых восемь месяцев он звонил отцу из Вены и врал, что хорошо учится, а сам смолит дурь и, как он сам думал, искал вдохновение в чужой стране. И за то, что когда отец всё узнал, Арик только огрызнулся и говорил, что никогда не просил отправлять его учиться за границу.

«Мне говорили, что дети как пластилин... Но ты не пластилин, ты кусок дерьма, из которого ничего нельзя вылепить. Можно только руки испачкать», – говорил отец. Арик вспомнил эти слова и понял, что всё ещё злится.

Потом он представил слёзы матери. Она точно будет оплакивать его потерянную руку. Будет заливаться слезами, будет вскрикивать и, наверное, делать только хуже... Мать всегда выгораживала Арика, но была бесполезным союзником. На фоне её абсурдных оправданий Арик чувствовал себя ещё большим идиотом, чем от отцовских унижений.

Ну да ладно! Арик всё равно был бы рад их видеть. Он кого угодно был бы рад видеть, только не этих бывших дружков и слетевшего с катушек хирурга. Нужно было только найти способ выбраться отсюда. Договориться. Но не так, как это пытался сделать Денис.

Арик сидел на своей койке и наблюдал, как он подбирает слова, строя из себя жертву обстоятельств, а Валера сидел напротив на раскладном стуле и слушал. Их разделяла стеклянная стена, но Денис весь так и трясся от страха.

– А потом Игорь позвал нас и сказал, что у нас есть проблема. Я спустился вниз и увидел её на полу, – Денис скривился, будто ему было невестно как жаль ту девушку. – У неё была разбита голова. А Игорь стоял рядом. Я хотел, чтобы она сбежала, но он...

– Подожди, ты мне опять всё мне с конца рассказываешь, – остановил его Валера. – Что было вечером накануне? Как вы попали на дачу Игоря?

– Мы приехали на машине, – ответил Денис.

– Как в вашу машину попала Ангелина?

Денис мямлил и бегал глазами. Ему было трудно это объяснить.

– Ты себе не оставляешь шансов, дружище, – крикнул Игорь.

– Он сам и затащил её в машину! Он и Игорь. Они оба затащили её! – заорал Витя.

Игорь пнул ногой стену и посоветовал Вите закрыть рот. В ответ на это Витя послал его куда подальше. Валера на них даже не оглянулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.